

СОСТАВ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НЭПА И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1923–1934 ГГ.)

Михаил Аркадьевич Фельдман,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
feldman-mih@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Фельдман М.А. Состав и трансформация региональной элиты Уральской области в период НЭПа и индустриализации (1923–1934 гг.) // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 138–157. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_138

Аннотация

Реформа административно-территориального деления СССР в 1923–1930 гг. представляла собой попытку найти оптимальное соотношение властных полномочий между Центром и регионами. Укрупнение регионов, прежде всего в формате областей, привело к укреплению региональных политических элит и росту их влияния на положение дел в стране. В рамках реформы в 1923 г. была создана Уральская область, просуществовавшая до 1934 г. В статье выявляется специфика уральской элиты, которая, с одной стороны, определялась общими закономерностями изменения состава общества в период революционных потрясений 1917–1920 гг., с другой – особенностями региона (в первую очередь необходимостью эффективного управления горно-металлургическими предприятиями и военными заводами). На основе анализа архивных материалов прослеживается эволюция социальных характеристик и политического поведения управленцев, входивших в состав Уральского обкома ВКП(б) в 1923–1934 гг. Отмечается, что социальная структура уральской элиты сохранялась на протяжении всего исследуемого периода, однако руководство партии

© Фельдман М.А., 2022

постоянно меняло первых лиц Уралобкома, стремясь не допустить разрастания патрон-клиентских отношений в регионе. Выделяются характерные черты назначенца из Центра: подчеркнутое дистанцирование от своего окружения; позиционирование лояльности Центральному комитету; готовность к репрессиям против «классово чуждых элементов» и т. д. Анализируются конфликты между назначенцами из Москвы и местной номенклатурой, а также причины Постановления ВЦИК от 17 января 1934 г. о разделении Уральской области на три региона – Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области.

Ключевые слова:

СССР, административно-территориальное деление, Уральская область, региональная элита, партийная номенклатура, Уральский обком ВКП(б), индустриализация, новая экономическая политика (НЭП), репрессии.

UDC 93/94

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_138

COMPOSITION AND TRANSFORMATION OF THE REGIONAL ELITE IN THE URAL OBLAST DURING THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY AND INDUSTRIALIZATION (1923–1934)

Mikhail A. Feldman,

Ural Institute of Management, Branch of RANEPa,
Ekaterinburg, Russia,
feldman-mih@yandex.ru

Article received on August 10, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Feldman, M.A. (2022). Composition and Transformation of the Regional Elite in the Ural Oblast during the Period of the New Economic Policy and Industrialization (1923–1934) *Discourse-P*, 19(4), 138–157. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_138

Abstract

The reform of the administrative division of the USSR in 1923–1930 was an attempt to find the optimal balance of power between the Center and the regions. The consolidation of regions, primarily in the format of oblasts, led to the strengthening of regional political elites and the growth of their influence on the state of affairs within the country. As part of the reform, the Ural oblast was created in 1923 and existed until 1934. The article reveals the specifics of the Ural elite, which, on the one hand, was determined by the general patterns of social changes during the revolutionary upheavals of 1917–1920, on the other

hand – by the peculiarities of the region (first of all, the need for effective management of mining and metallurgical enterprises and military plants). Based on the archival materials, the author traces the evolution of social characteristics and political behavior of managers who in 1923–1934 were part of the Ural Regional Committee (Uralobkom) of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), also known as the VKP(b). It is noted that the social structure of the Ural elite persisted throughout the period under study, but the party leadership constantly changed the top officials of the Uralobkom, trying to prevent the proliferation of patron-client relations in the region. The characteristic features of Moscow appointees are highlighted: emphasized distancing from their local environment; positioning loyalty to the Central Committee; readiness for repression against so-called “class-alien elements”, etc. The conflicts between Moscow appointees and the local nomenclature are analyzed, as well as the reasons for the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee (January 17, 1934) on the division of the Ural oblast into three regions – Sverdlovsk, Chelyabinsk, and Ob-Irtysk oblasts.

Keywords:

USSR, administrative division, Ural oblast, regional elite, party nomenclature, Ural Regional Committee of the VKP(b), industrialization, New Economic Policy (NEP), repression.

Введение

Категория «элита» получила широкое распространение в общественных науках благодаря работам итальянского социолога В. Парето, выступившего наряду с Г. Москкой и Р. Михельсом основателем элитологии – одного из наиболее востребованных направлений современной политической науки. В отличие от классовой теории главным основанием стратификации общества в рамках элитологического подхода является не экономическое неравенство, а различное положение социальных групп по отношению к политической власти (Наронская, 2019, с. 90). Российская наука разработала методологические основы и подходы, необходимые для теоретического и эмпирического анализа властных элит (см., например, Дука, 2012). Эти основы были использованы в одной из наших статей для анализа советской элиты 1930-х гг. (Фельдман, 2021а). В настоящем исследовании мы постараемся разобраться, насколько закономерности эволюции советской элиты того периода были характерны для провинциального управленческого корпуса. Поиск ответа на поставленный вопрос обусловил исследование, проведенное в рамках Уральской области.

Актуальность выбранной темы объясняется переходом Российской Федерации от приоритета принципа выборности руководителей региональных элит (губернаторов) к преобладанию принципа «назначенчества». Аналогичная тенденция прослеживается на внутрирегиональном уровне. Это объясняется, как и в 1930-е гг., необходимостью централизации ресурсов управления. Однако и спустя 90 лет прослеживается устойчивый тренд: в реальности централизация подменяется различными категориями патрон-клиентских отношений и неформальных сетей (Мельников, 2021). Происходит рост доли политических назна-

ченцев, составляющих ядро команд губернаторов (Мухаметов, 2018). При этом сохранение внутри региональных элит противоборствующих групп регулируется, как и в советский период, аппаратом правящей партии (Мухаметов, 2015).

Что касается необходимости исследования региональной элиты Уральской области, то она обусловлена недостаточным количеством научной литературы по данному вопросу. Имеющиеся работы посвящены главным образом изучению конфликтов между назначенцами и местными кадрами (Воробьев, 2019а, 2019б) и анализу образовательного уровня партийных руководителей (Колдушко, 2010). Попытку проанализировать эффективность работы региональных управленцев в первой половине 1930-х гг. (Колдушко, 2009) трудно назвать удачной, поскольку критерии эффективности только продекларированы.

Эмпирической базой настоящего исследования выступают архивные материалы фонда Уралобкома (Ф. 4) Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Реформа административно-территориального деления СССР в 1923–1930 гг.

Проведенная в 1923–1930 гг. реформа административно-территориального деления СССР имела своей целью нахождение оптимального баланса властных полномочий между Центром и регионами. Укрупнение последних, прежде всего в формате областей, близких в своих границах к крупным экономическим районам, было необходимо для проведения масштабных преобразований, связанных с НЭПом. В рамках реформы одной из первых была создана Уральская область (подробнее см. Фельдман, 2021б).

События 1923–1934 гг. – период эволюции авторитарного государства к тоталитарному – оказали существенное влияние на процесс формирования советской элиты, в том числе на региональном уровне (Чистиков, 2007; Шебакин, 2013).

В научной литературе последних лет отмечается двойственность «феномена большевизма», «антиномичная двойственность советской системы» (Красин, 2017), начиная с событий конца октября 1917 г. Такой подход может служить методологическим основанием исследований «советского проекта» лишь постольку, поскольку из множества векторов и направлений действий различных социальных сил, собственно и составляющих феномен советской истории, можно выделить два основополагающих:

- рациональный, связанный с индустриализмом, объективной необходимостью (в том числе ради выживания режима) ориентирования на научно-технический прогресс;
- утопический, насыщенный множеством мифов, рожденных советскими пропагандистскими структурами и пластом устойчивых традиций.

В силу этого внутри элит формировались различные группы управленцев: с преобладанием хозяйственников-технократов и доминированием идеологов-марксистов (партийных, профсоюзных, комсомольских работников). Сам индустриальный проект при этом понимался первой группой преимущественно как последовательное движение по пути модернизации, тогда как для идеологов выполнение пятилетних планов означало достижение и окончательное утверждение

стадий социалистического строительства. Если в первом случае критерием развития выступало сравнение научно-технического потенциала СССР и развитых капиталистических стран, то во втором социалистический строй априори был более прогрессивным, чем капиталистический.

Предыстория элиты Уральской области (1917–1923 гг.)

Особенности уральской элиты определялись, с одной стороны, общими закономерностями изменения состава общества в период революционных потрясений 1917–1920 гг., с другой – особенностями региона, в первую очередь необходимостью эффективного управления горно-металлургическими предприятиями и военными заводами. Поэтому практически с самого начала внутри региональной элиты началось формирование двух групп – политического руководства и хозяйственных работников. Обратим внимание на примечательную закономерность: перед нами определенный «водораздел» большевистских кадров на «хозяйственников», формировавшихся во многом из представителей рабочих профессий, и «политиков», вышедших из интеллигентно-разночинской среды.

От представителей политической элиты заметно отличалась группа председателей деловых советов – органов коллективного выборного управления в горных округах и предприятиях Урала в конце 1917 – начале 1918 гг., в которых по регламенту за рабочими закреплялась норма в 2/3 членов. Изучение биографий председателей этих советов и литературы, посвященной видным представителям уральской технической интеллигенции, среди которых было немало высококвалифицированных специалистов, позволяет сделать вывод о некотором рациональном восприятии инженерного опыта организации производства со стороны председателей и членов деловых советов. Работу этих советов курировало правительство области – Совет комиссаров Урала во главе с профессиональным революционером В.Н. Андрониковым.

Анализ биографических данных, собранных А.П. Абрамовским и А.В. Будановым (2008, с. 259–278), позволяет выделить специфические признаки председателей деловых советов ряда уральских горнозаводских округов и заводов. По возрасту для них было характерно преобладание мужчин не старше тридцати лет. Образование чаще всего было представлено начальной (двух- или трехлетней) школой. Только в одном случае после школы учеба была продолжена в техническом училище. Таким образом, к руководству на одном или нескольких предприятиях промышленности пришли люди с низким, даже по меркам того времени, образовательным уровнем. Все председатели деловых советов были выходцами из рабочей среды. Уточняя это понятие, отметим, что прослеживается следующая закономерность: перед нами либо рабочие вспомогательных профессий на металлургических предприятиях (кочегар, электрик, молотобоец), либо непродолжительное время трудовой деятельности на рабочем месте в юности было прервано переходом на революционную профессиональную работу. Рабочие основных профессий оказывались, как правило, вне революционного вихря кадровых перемен.

О степени осмысления участия рабочих в управлении производством свидетельствуют выступления уральцев В.Н. Андроникова и Ф.Ф. Сыромолотова на Первом Всероссийском съезде советов народного хозяйства (СНХ), про-

шедшем в Москве с 25 мая по 4 июня 1918 г. Представители СНХ крупного промышленного региона, накопившего наибольший опыт национализации и апробировавшего структуру управления, в которой технические специалисты могли использовать свои знания и навыки, представили проект Положения об управлении национализированными предприятиями¹.

Многие председатели деловых советов знали друг друга еще по дореволюционной подпольной работе; пересекались в структурах первых легальных советов; принимали активное участие в Гражданской войне (в основном как политработники среднего звена), а в первой половине 1920-х гг. были председателями правлений горнозаводских трестов, подчиняющихся Уралпромбюро, представительному органу ВСНХ на Урале. Это, в условиях кардинального обновления бюрократического корпуса и отсутствия современных учебных заведений по подготовке управленцев, способствовало специфическому формированию советской элиты – превалированию личных отношений над институтами и имперсональными принципами социальных действий, что сохранилось и в постсоветскую эпоху (Мельников, 2021, с. 172).

И руководитель Уралпромбюро Д.Е. Сулимов, и председатели правлений горнозаводских трестов (Ф.И. Локацков, Уралмет; Г.И. Ломов – Уралплатина; С.И. Маврин, Гормет; В.С. Гулин – Уралмедь; М.К. Ошвинцев – Богословский трест), с учетом их значимости в промышленном регионе в середине 1920-х гг., перешли на партийную работу, вышестоящую хозяйственную работу (В.С. Гулин, Г.И. Ломов). К 1926 г. Д.Е. Сулимов становится первым секретарем Уралобкома, Ф.И. Локацков – председателем Уральского областного исполкома, М.К. Ошвинцев – заместителем председателя Уральского СНХ. Председателем СНХ стал вернувшийся из Москвы (после руководящей работы в главке металлургической промышленности) В.Н. Андроников. С именами этих людей связана разработка первого среди регионов СССР Генерального плана развития Урала до 1941 гг.² Работа на руководящих постах в горнозаводских трестах в условиях НЭПа, возможность использования знаний технических специалистов формировала у небольшой группы вчерашних профессиональных революционеров опыт рационального управления.

Черты социального облика региональной элиты к моменту создания Уральской области

Постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. четыре губернии РСФСР – Пермская, Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская – объединялись в Уральскую область, что превращало ее в своего рода полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае площадью 1659 тыс. кв. км и с населением 6380 тыс. человек. Исходя из выступления А.И. Рыкова на Первой конференции коммунистов Уральской области в декабре

¹ Труды Первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства. Стенографический отчет (1918). М.: б. и. С. 219–222, 256–257.

² Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР) (1927). Свердловск: Уралплан.

1923 г., можно говорить о том, что руководство СССР ориентировалось на сочетание централизованного планирования и контроля за исполнением сверху с максимальной инициативой снизу в формате областей³. Это рождало дополнительные амбиции и надежды у местной номенклатуры.

Если правящая элита СССР, или «номенклатурная верхушка» (Хлевнюк, 1996, с. 230), в советский период формировалась главным образом из членов ЦК ВКП(б), то региональная элита рекрутировалась из членов областных (республиканских) партийных комитетов. Так что же из себя представляла региональная местная элита к декабрю 1923 г. – к моменту создания Уральской области?

Рассмотрим этот вопрос на примере такой социальной группы, как члены Областного комитета РКП(б), избранного в декабре 1923 г. на Первой конференции коммунистов Уральской области⁴. Из 44 его членов 43 являлись мужчинами. Факт, отражавший не только срез социокультурных основ участия в политической жизни граждан Советской России, но и военизированный характер самой партии. 32 человека (73%) – рабочие по социальному происхождению, однако не было ни одного рабочего «от станка» (согласно терминологии того времени). Наличие 25 партийных работников и 17 хозяйственных, профсоюзных ответственных работников наглядно говорило о процессе формирования самостоятельной социальной группы – управленческой элиты. Преобладание (больше половины) партийных функционеров, без сомнения, факт показательный: на уровне региона секретари партийных комитетов получали гарантированное большинство по любым вопросам. Столь же примечательным было соотношение советских и партийных управленцев: 7 и 25 соответственно. Как видно, представительство советов фактически позволяло иметь « совещательный голос », но не более того.

Структуризация членов Уралобкома по величине партийного стажа дает весьма примечательную картину. Только 5 человек (11%) можно отнести к группе «старой» революционной элиты, они вступили в партию до революции 1905 г. Тогда как в составе «революционной элиты» Советской России (люди, избранные в ЦК партии в 1917–1922 гг.) таких коммунистов насчитывалось более половины – 41 из 78 (53%). Отмеченная разница социального состава центральной и региональной партийных структур несла зерно потенциального конфликта поколений управленцев. В составе Уралобкома было немного членов большевистской партии, вступивших в ее ряды в годы Гражданской войны (6 человек). Главными группами являлись большевики с партийным стажем 1905–1916 гг. (18 человек) и ставшие партийцами в 1917 г. (15 человек). Следовательно, основную массу составляли либо вчерашние подпольщики, либо люди, присоединившиеся к партии в ходе революции 1917 г.

Подавляющее большинство (31 из 45) – люди до 35 лет. При этом 35 членов (80%) – русские; четверо – евреи; по одному были представлены народами Прибалтики, Кавказа, Поволжья. Общеобразовательный уровень был невысок: 32 члена Уралобкома имели только начальное образование (судя по анкетам, нередко двухклассное), шестеро – среднее (чаще горное училище) и только трое – высшее (включая незаконченное).

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 90. Л. 3.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. Л. 5–6.

Таким образом, очевидно противоречие между характером задач, стоящих перед Уральской областью, и качественными характеристиками региональной элиты. В определенной степени это противоречие могло решаться только путем экспериментов и накопления управленческого опыта, создания системы учебных заведений для подготовки руководящих работников.

Факторы эволюции региональной элиты в 1923–1928 гг.

Социальная структура уральской элиты сохранялась на протяжении всего периода НЭПа. В список членов Уралобкома, избранных на областной партконференции 27 ноября 1927 г., входили только две женщины из 87 человек. Подавляющее большинство обкомовцев имело начальное образование. Увеличение численности состава областного комитета почти вдвое (с 44 до 87 человек) за счет партийных и советских руководителей уездного звена привело к снижению доли партийцев со стажем до 1917 г. – с половины до четверти, при сохранении их общей численности (23 и 21 соответственно). При этом крупнейшей группой оказались 33 человека, вступившие в партию в годы Гражданской войны 1918–1920 гг., а также 26 человек в революционном 1917 г. Столь разительная перемена за короткий срок четырех нэповских лет объяснялась не только незначительностью слоя «подпольщиков» на Урале, но и удалением оппозиционеров из состава руководящих органов. Однако в бюро Уралобкома картина была иная: 9 из 15 человек (почти две трети) были со стажем до 1917 г.⁵ Как видно, в руководящем ядре большевистской организации Уральской области преобладали профессиональные революционеры.

На формирование элиты Уральской области большое влияние оказывало «назначенчество». В этом процессе можно выделить две плоскости: направление руководством ЦК кадров из других областей; перемещение партийных работников внутри Уральской области. Например, за 5 лет (декабрь 1923 – январь 1929 г.) на посту первого секретаря Уралобкома сменилось 5 человек: М. М. Харитонов, Н. К. Антипов, Д. Е. Сулимов, Н. М. Шверник, И. Д. Кабаков. Частая смена руководителей до начала первых пятилеток свидетельствовала не только о приоритете для Сталина задач внутривнутрипартийной борьбы и стремлении на всех уровнях власти расставить верных управленцев (после работы в Уральской области Антипов, Сулимов, Шверник были выдвинуты на более высокие должности в Москве и Ленинграде), но и об очевидной хаотичности кадровой политики, недоверии к местным кадрам, «запятнанным» даже фрагментарной поддержкой оппозиции. Конфликты назначенцев и представителей местных партийных и хозяйственных работников стали обычным явлением, отражая как непонимание присланными «варягами» специфики конкретной территории (Воробьев, 2019а), так и их столкновение со сложившимися на основе патрон-клиентских отношений и неформальных сетей командами уральских большевиков.

Аналогичные перемещения проходили и в самом Уральском регионе. К числу типичных следует отнести линии должностных перемещений в 1923–1929 гг. И. А. Нефёдова, ответственного секретаря Шадринского, Златоустовского, Нижне-Тагильского окружных комитетов партии, В. Ф. Головина, возглавлявшего

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 197–202.

в тот же период аналогичные структуры в Камышлове, Шадринске и Кургане, К.В. Рындина, успевшего за 1921–1926 гг. поработать ответственным секретарем в Златоусте, Нижнем Тагиле и Перми.

По наблюдению пермского историка В.В. Шабалина, многие партийные работники окружали себя «верными людьми», «вассалами», которых брали с собой при новом назначении. Принципиальное значение имеет указание на социальную характеристику «верных людей»: «все молодые, 26–35 лет, энергичные люди, вступившие в партию в 1918–1919 гг., возлагавшие... надежды на будущее свое благополучие» (Шабалин, 2003), верившие в силу патрона. В данном случае это выделение определенного социального типа партийцев периода «военного коммунизма», умевших сочетать верность идеологическим догмам с беспринципным движением по карьерной лестнице.

Проблема «назначенчества» была тесно связана с номенклатурными конфликтами, характерными для советской политической системы того времени. Как отмечает О.В. Хлевнюк (1996), бурные конфликты «потрясали в конце 20-х – начале 30-х гг. руководство многих регионов» (с. 144). Применительно к Уральской области справедливо будет говорить о периоде 1920-х гг. – после победы Сталина и его окружения на Пленуме ЦК в апреле 1929 г., время дискуссий в партийных комитетах уступает практике признания необходимости безусловного выполнения заданий Центра.

Что касается 1920-х гг., то, как правило, конфликты вспыхивали между назначенцами из Москвы и местной властной номенклатурой. С.В. Воробьев, исследовавший конфликты, связанные с назначением Н.М. Шверника и И.Д. Кабакова в Уральскую область, обратил внимание на ряд характерных моментов: активное использование руководителей районного (окружного) звена в аппаратной борьбе; характер обвинений в адрес назначенцев (отсутствие должных контактов с местными кадрами и массовый перевод прежних сослуживцев); роль работников аппарата ЦК как решающей инстанции для разрешения споров (Воробьев, 2019a, 2019b).

Весомым фактором, повлиявшим на эволюцию элиты Уральской области, стали разработка и принятие Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. Руководство области, плановые структуры региона (Уралплан), как и другие республиканские и областные плановые структуры, получили предписание разработать перспективный план развития края. Деятельность Уралплана под руководством Л.Е. Гольдича – единственного члена Уралобкома, имевшего законченное высшее образование (с 1926 г. также председателя областного СНХ), была активизирована принятием Постановления СНК РСФСР от 28 января 1927 г. «О развитии Урала как мощной промышленной базы страны». Подготовленный многочисленным коллективом авторов (около 150 человек из Уралплана, УПИ, Облземстатуправления, Статуправления, Уралгипромеза и других учреждений), Генеральный план рассматривался как первый этап краевого планирования, предполагавший формирование нового облика промышленного Урала как «целостного лесозаготовительного, горного, металлургического, металлообрабатывающего, машиностроительного, лесобумажного, полихимического, строительного комбината», с учетом рационального размещения вблизи источников сырья и возможности кооперационных связей (Фельдман, 2017). Обратим внимание и на особую роль руководителя Статуправления Уральской

области в 1923–1926 гг. В.С. Немчинова, будущего академика, внесшего значительный вклад в становление плановых начал на Урале в 1920-е гг., оказавшего определенное влияние на понимание представителями руководства области комплексного характера индустриального проекта.

Вместе с тем анализ работы пленумов Уралобкома в 1927–1928 гг. показывает, что обсуждение Генерального плана носило поверхностный характер, уступая пальму первенства вопросам внутривластной борьбы. Представители уральской элиты поддержали план развития Урала, одобренный руководством Госплана, но не смогли проникнуть в его суть – осуществление индустриального проекта на основе сохранения многоукладной экономики.

Региональная элита в 1929–1934 гг.

Переломные годы первой пятилетки не изменили характер отношений назначенцев и местных управленцев. Важным источником для понимания менталитета нового уральского лидера И.Д. Кабакова является комплекс архивных документов – «секретные письма» в ЦК ВКП(б).

О степени зависимости назначенца от Центра говорило секретное письмо И.Д. Кабакова Сталину от 27 февраля 1929 г., где он писал: «Убедительно прошу сообщить о положении дел в Политбюро. Никакого информационного материала не поступает. Привозят из Москвы целую вереницу различных слухов и нелепиц. При дальности расстояния отсутствие информации ставит в затруднение политику»⁶. В мае 1929 г. в письме Молотову Кабаков охарактеризовал партийную организацию Уральской области как «сырую в организационном отношении». «Сыро́сть» объяснялась «незначительностью прослойки квалифицированных рабочих». Однако выбранный метод борьбы – просьба прислать в Свердловск 20–25 партийных работников, окончивших Институт красной профессуры⁷, – указывал на подлинный предмет недовольства Кабакова – недостаточную, по его мнению, степень лояльности уральцев сталинскому курсу.

В письме в ЦК ВКП(б) от 10 марта 1929 г. Кабаков писал о земельных наделах уральских рабочих как о «самом большом недочете» в положении рабочего класса области. Полное непонимание роли земельных наделов в жизни уральцев вылилось в предложение коллективизировать земельные участки⁸. В письме к Сталину от 29 марта 1929 г. Кабаков выражает готовность арестовать в одном только Троицком округе 200–300 бывших белых офицеров как потенциальных виновников трудностей хлебозаготовок, заверяя, что «в этом не будет ничего страшного»⁹.

Секретные письма показывают характерные черты назначенца из Центра: подчеркнутое дистанцирование от своего окружения; позиционирование лояльности ЦК как главного принципа деятельности функционеров; готовность к репрессиям против «классово чуждых элементов»; верность марксистским догмам неприятия частной собственности.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 3.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 28.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 71.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 5.

В 1929–1933 гг. Кабаков избавился от практически всех членов бюро Уралобкома, работавших с ним с 1929 г.: секретарей Обкома П. Т. Зубарева, А. И. Ларичева, И. С. Семирякова; руководителей Облисполкома М. К. Ошвинцева и В. Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л. Е. Гольдича и др. Высказывание мнения, отличного от позиции руководителя области, выражение малейших критических замечаний вели к переводу на другую работу, как правило, за пределами области. Анализ содержания этих замечаний, статей в областном журнале «Уральский коммунист» (Таняев, 1930а, 1930б; Фельдман, 2019) позволяет говорить о понимании членами Уралобкома опасности волюнтаристских бешеных темпов в начале 1930-х гг., ставок на количественные показатели в ущерб качеству продукции.

Проблема для Кабакова, верного сталинского назначенца, заключалась в том, что выполнение нереальных задач «великого перелома» оборачивалось гигантскими потерями и издержками, срывом плановых заданий. Беря пример со Сталина, он пытался взвалить вину на подчиненных. Пример бывшего секретаря Уралобкома П. Т. Зубарева, освобожденного в октябре 1931 г. от работы за попытки уменьшить репрессивные меры по отношению к зажиточным крестьянам и заклеянного в качестве «правого оппортуниста»¹⁰, был на слуху.

Стоило председателю Уральского областного исполкома (с января 1929 г. по ноябрь 1933 г.) М. К. Ошвинцеву в январе 1933 г. на Пленуме Уралобкома, подводящем предварительные итоги первой пятилетки в области, предложить уйти от курса на количественные показатели, обернувшегося в 1929–1932 гг. крайне низким качеством продукции, как вскоре он был освобожден от своей должности. Более того, на Пленуме Уралобкома в ноябре 1933 г. Ошвинцев был «обличен» в правом оппортунизме («недооценке классово-борьбы» и приеме на работу «непролетарских элементов»)¹¹. По традиции второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. попавший в опалу управленец высокого ранга был переведен на второстепенную работу в Москву, став членом Комиссии советского контроля при СНК СССР.

Не решаясь на критику сталинского курса, вчерашние руководители горнозаводских трестов тем не менее запомнились делегатам конференций 1930–1934 гг. приводимыми примерами бесхозяйственности, указанием на масштабы брака и ошибочность отдельных шагов экономической политики. Для тоталитарного государства такие управленцы становились помехой. У многих уральских партийно-государственных работников период 1933–1934 гг. стал временем движения вниз по кадровой лестнице, как правило, за пределами региона.

Вместе с тем замена верхнего слоя региональной элиты не вносила принципиальных изменений в ее функционирование: внутри Уральской области новое пополнение приходило из уже сложившихся на основе патрон-клиентских отношений команд окружных и районных работников (Воробьев, 2019а).

Ход индустриализации в 1930-е гг. стал для Центра главным мерилом деятельности управленческих кадров. 24 января 1932 г. на Одиннадцатой областной

¹⁰ *Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932: в 17 бюллетенях. Бюллетень 4 (1932).* Свердловск: Партиздат. С. 4–9.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 20. Л. 147–148.

партийной конференции И.Д. Кабаков сообщил, что при плановом задании по выпуску промышленной продукции на 1931 г. стоимостью в 1360 млн руб., реальный выпуск не превысил 655 млн руб. (48 %). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий первой пятилетки, что вошло в историческую литературу под именем «великого перелома». Если говорить о росте промышленной продукции в Уральской области, то за 1929–1931 гг. ее выпуск увеличился не в разы, а (по официальным данным) на 55 %: на 46 % в 1929–1930 гг. и на 8 % в 1931 г.¹²

В отчетном докладе на Двенадцатой областной партийной конференции, прошедшей в январе 1934 г., срыв плановых заданий первой пятилетки Кабаков расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий»¹³. Однако в чем они заключались, делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела определенные границы. Еще одна большевистская традиция – поиск субъекта-вредителя – также не обошла стороной доклад Кабакова: в бесхозяйственности на предприятиях области обвинялись профсоюзы, ответственные за существование «гнилого парламентского способа разрешать производственные вопросы»¹⁴.

Анализ отчетных докладов Кабакова на партийных конференциях 1930, 1932 и 1934 гг. позволяет выделить характерную особенность: полное отсутствие каких-либо социологических примеров положения трудящихся и оперирование примером жизни отдельно взятого рабочего, «внезапно» изменившего свое отношение к «социалистическому строительству». На Двенадцатой конференции Кабаков продемонстрировал незнание и непонимание качественных показателей развития экономики, приравняв, например, понятие «хозрасчет» к тарифной сетке. Ему, обладателю начального образования, полученного в церковно-приходской школе, действительно было трудно разбираться в сложных экономических вопросах, как и 71 % делегатов, имеющих аналогичную общеобразовательную подготовку¹⁵.

Опыт предшествующих конференций, кризисные явления в уральской экономике начала 1930-х гг. обусловили тот факт, что полностью уйти от анализа событий первой пятилетки на Двенадцатой областной партийной конференции все-таки не удалось. В докладе Областной контрольной комиссии приводились многочисленные факты бесхозяйственности на уральских стройках. Сообщение об использовании в 1930 г. «громадного парка строительных механизмов» только на 17,3 %, а к концу пятилетки (в 1932 г.) на 40–70 % говорило о многом. В сопоставлении с информацией о «незадействованном оборудовании на заводских стройках на десятки миллионов рублей» эти сведения резонно вызывали вопрос об уровне организации строительных работ¹⁶.

¹² *Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932: в 17 бюллетенях. Бюллетень 4 (1932)*. Свердловск: Партиздат. С. 4.

¹³ *Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет (1934)*. Свердловск: Партиздат. С. 24–25.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 29, 35, 241.

¹⁶ Там же. С. 62–63, 65.

Но и простое повествование о буднях уральских строек могло навести на определенные выводы. Так, информация секретаря Магнитогорского горкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе о том, что на строительстве Магнитогорского металлургического комбината (ММК) в течение года три-четыре раза менялся кадровый состав рабочих, объяснялась не «вредительством старых специалистов», а «отсутствием плана организации строительных работ, который бы охватывал весь процесс строительства до его окончания». Немногим лучше была ситуация и на самом ММК, где текучесть кадров в среднем за год составила 100 %¹⁷. Аналогичными причинами директор Уральского завода тяжелого машиностроения Л.С. Владимиров объяснял крайне высокую текучесть рабочих и инженерных кадров¹⁸.

Выступление Владимирова не было исключением: представители директорского корпуса, будучи делегатами конференции, наглядно показали, что процесс осмысления итогов первой пятилетки включает в себя и нелицеприятные оценки экономической действительности. Такое осмысление носило непоследовательный, фрагментарный характер. Например, среди известных на всю страну членов Уралобкома – руководителя строительства Магнитки Я.С. Гугеля, директора Мотовилихинского завода И.К. Премудрова, начальника строительства ферросплавного завода в Челябинске М.А. Жарикова, начальника строительства и первого директора Челябинского тракторного завода К.С. Лонина, руководителя крупнейшего в СССР калийного треста В.Е. Цифрановича, получивших за сооружение и освоение промышленных объектов высшие награды СССР, – высшее техническое образование имел только Лонин.

Выступления представителей директорского корпуса – подлинных творцов индустриализации на Урале – становились главным событием партийных конференций, а их критические замечания способствовали верному переосмыслению леворадикальных безумств 1930–1931 гг. В выступлениях хозяйственников на областных партийных конференциях и пленумах всплывали фрагменты подлинной реальности экономической жизни региона.

Если годы Нэпа привнесли в поведенческую практику черты прагматизма у той части профессиональных революционеров, которая пришла на работу в органы государственной власти, отвечающие за конкретные участки экономики, то годы первой пятилетки стали временем определенного экономического прозрения для «красных командиров производства».

Провал в конце 1929–1930 гг. левацкого эксперимента («большого скачка») в экономике не оставлял возможности для продолжения прежнего курса. Вынужденной реакцией Сталина и его окружения стало проведение в начале 1931 г. Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности¹⁹, фактически ставшей начальным этапом курса «миниреформ» (Davies et al., 2014). В этой ситуации возможности раскрытия управленческих способностей хозяйственников несколько расширились.

¹⁷ Там же. С. 191, 199.

¹⁸ Там же. С. 210–214.

¹⁹ *Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931 г.* (1931). М. – Л.: Огиз.

Очевидно и другое: зачастую критические выступления управленцев встречали волну спланированной и организованной сверху «контркритики» со стороны «партийного актива». Для того чтобы никакая «негативная» информация не закрепились в сознании делегатов, руководство Уралобкома применило ряд инструментов психологического воздействия. Работу Двенадцатой конференции заполнили так называемые «приветствия с мест»: по нашим подсчетам, из 60 выступивших в прениях по отчетному докладу 27 только зачитали «приветствия» – парадные самоотчеты, выстроенные по одному трафарету и содержавшие лесть в адрес местных функционеров. Это означало, что около половины времени работы конференции заняли откровенно пропагандистские мероприятия.

Следует заметить, что отношение Кабакова к «сырой в организационном отношении» элите Уральской области не изменилось: из 87 членов Обкома партии избранного в ноябре 1927 г., в Уралобком, избранный 27 января 1932 г., вошли только 22 человека, т. е. менее четверти²⁰. Жесткий отбор некомпетентных управленцев дополнялся увольнением тех, кто не прошел «партийные чистки», выступал с любыми критическими замечаниями.

Резкий рост численности (с 87 до 145) членов Обкома партии, свидетельствующий о расширении количества номенклатурных работников, сопровождался приходом новых молодых кадров. В силу доминирования коммунистов с небольшим партийным стажем архивные документы фиксируют прекращение публикаций со сведениями о величине партийного стажа у членов Уралобкома.

Материалы Одиннадцатой областной партийной конференции указывали на появление оформленного ядра уральской элиты – бюро Уралобкома из 25 человек²¹. Подавляющее большинство из них составляли партийные работники областного и районного звена, руководители региональных ведомств, областного совета профсоюза и обкома комсомола в возрасте моложе сорока лет, вступившие в партию в 1917–1918 гг. За короткий период (декабрь 1923 – январь 1932 гг.) состав ядра региональной элиты поменялся кардинально: выходцы с Урала стали в нем абсолютным меньшинством – 5 из 25 человек. Из пяти секретарей Уралобкома четверо являлись назначенцами, и только В. Ф. Головин происходил из уральской рабочей среды. С учетом перевода многих уральских лидеров на руководящую работу в другие регионы и весьма немногочисленных случаев перехода уральцев в центральные органы власти, перед нами наглядный пример отношения лидера тоталитарного государства к провинциальным элитам: на первый план выходили не профессиональные качества, а стремление не допустить складывания сплоченных управленческих команд на местах.

Сплотить партийцев, входящих в состав элиты Уральской области, должна была система привилегий. Без сомнения, не красили руководителей Свердловской области немалые денежные пособия, покупка за казенный счет мебели, оплачиваемые за счет партийной кассы обеды, банкеты, строительство роскошных по меркам 1930-х гг. дач и т. д. Однако, копируя стиль верхнего эшелона московских чиновников, нормы быта советской номенклатуры, выстраи-

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1. Л. 232об.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 16. Л. 1.

вая согласно секретным постановлениям ЦК и СНК сеть специальных магазинов и системы привилегий, элитных квартир, выполняя решения Политбюро о резком повышении заработной платы партийным работникам (Осокина, 1993), уральские управленцы «не отрывались от номенклатурного коллектива», выстроенного по сталинским лекалам.

Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б) была самой короткой по продолжительности (18–22 января 1934 г.) среди аналогичных партийных форумов за все время существования Уральской области. Можно выделить три причины, обусловившие такую «краткость». Во-первых, конференция должна была обсудить итоги первой пятилетки в области. Однако в традициях большевистской практики подводить неутешительные итоги было принято под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций при максимальной краткости информации. Во-вторых, открытие конференции «случайно» совпало с опубликованием Постановления ВЦИК от 17 января 1934 г. о разделении Уральской области на три региона – Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области. Сам факт такого решения и совпадение двух упомянутых событий свидетельствовали о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области (как, впрочем, и других регионов). В-третьих, делегаты не обсуждали (формально в силу разделения Уральской области) перспективы развития региона в 1933–1937 гг.: уже во вступительном слове И.Д. Кабаков предложил снять вопрос «о контрольных цифрах народного хозяйства Урала на вторую пятилетку»²². История Уральской области была завершена.

Верность сталинскому курсу (включая его частые зигзаги) не избавила Кабакова и его окружение от гнева вождя. Опыт существования Уральской области был отброшен и не изучен. Судьба уральской элиты была трагичной: из 25 членов бюро Уралобкома, включая Кабакова, репрессии 1937–1938 гг. переживет только один, самый молодой (1902 г. рождения) И.Н. Корсунов.

Если говорить о роли, которую сыграли уральцы, входившие в состав Уралобкома в период существования Уральской области, картина складывается иная. Из числа уральской элиты вышли видные руководители партии и Советского государства. Среди них Д.Е. Сулимов – председатель СНК РСФСР в 1930–1938 гг., Н.М. Шверник – председатель ВЦСПС в 1930–1944 гг. и председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1946–1953 гг., К.Ф. Рындин – второй секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б) в 1930–1934 гг.), Румянцев – первый секретарь обкома ВКП(б) Западной области в 1929–1937 гг., и многие другие.

Выводы

Высказанное в научной литературе мнение о неэффективности и некомпетентности уральских управленцев в первой половине 1930-х гг. (Колушко, 2009) верно только отчасти: задания первого пятилетнего плана были превращены в нереальные не по их вине. Фактически Уральский регион создавался при

²² Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет (1934). Свердловск: Партиздат. С. 6.

отрицании естественных местных экономических связей, вместо них формировалась жесткая управленческая вертикаль, характерная для всех регионов СССР (Твердюкова, 2010, с. 415). Однако стабилизация в экономике СССР в период 1932–1934 гг. (Davies et al, 2014, p. 68–73) позволила успешно ввести в строй гиганты индустрии Урала, модернизировать действующие заводы.

В этом плане судьба уральских управленцев схожа с линией развития союзной элиты: траектория карьеры зависела от умения выполнять задачи индустриального проекта, следовать генеральной линии партии, придерживаться правил поведения номенклатуры. Специфика уральской группы партийных и хозяйственных работников заключалась в повышенных требованиях к повседневной деятельности, связанной с особой ролью уральской промышленной базы. Закономерно, что за годы существования Уральской области заметно вырос образовательный уровень представителей региональной элиты. Показательно, что репрессии 1937–1938 гг. «выкосят» прежде всего управленцев с высшим и средним образованием (Колтушко, 2010, с. 106).

Судьба членов Уралобкома далеко не однозначна. Для многих из них реализация индустриального проекта стала главным делом жизни. Оценка каждого конкретного человека должна быть обоснована и индивидуализирована, сопоставлена с ценой достижений и тяжестью проступков. Но свой вклад в реализацию задач индустриализации они успели внести. Осмысление последствий «великого перелома» выводило не только представителей хозяйственников в составе уральской элиты, но и ряд партийных и советских лидеров Уральской области (прежде всего из числа бывших руководителей горнозаводских трестов) на уровень понимания значимости экономических законов. Необходимы масштабные исследования этой профессиональной группы без политических и идеологических пристрастий по принятой в современной науке шкале эффективности деятельности. Биографический подход открывает широкие возможности для изучения эволюции региональной элиты Уральской области через реконструкцию жизненного пути отдельных ее представителей.

Список литературы

1. Абрамовский, А.П., Буданов, А.В. (2008). *Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг.* Челябинск: ЧИ УРАГС.
2. Воробьев, С.В. (2019а). И. Д. Кабаков против Н. М. Шверника: борьба двух «варягов». Конфликт в Уральской области в 1928–1929 гг. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, (4), 112–122. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.8>
3. Воробьев, С.В. (2019б). Случай Н. М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 гг. *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*, (3), 36–46. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.35.3.05>
4. Дука, А.В. (2012). О подходах к анализу властных элит. *Управленческое консультирование*, (3), 48–55.
5. Колдушко, А.А. (2009). Проблема эффективности работы региональной номенклатуры в первой половине 1930-х годов (на примере Свердловской области). *Вестник Пермского государственного технического университета*.

Культура, история, философия, право, (1), 159–168.

6. Колдушко, А. А. (2010). Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей). *Вестник Пермского государственного технического университета. Культура. История. Философия. Право*, (3), 105–111.

7. Красин, Ю. А. (2017). Величие и трагизм советского «эксперимента». *Политические исследования*, (1), 10–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.03>

8. Мельников, К. В. (2021). Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области. *Политические исследования*, (6), 171–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>

9. Мухаметов, Р. С. (2015). Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне. *Ars Administrandi. Искусство управления*, (1), 85–94.

10. Мухаметов, Р. С. (2018). Региональная правящая элита: динамика и специфика (на примере Свердловской области). *Вопросы управления*, (6), 13–19.

11. Наронская, А. Г. (2019). Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт). *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 14(1), 86–91.

12. Осокина, Е. А. (1993). *Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг.* М.: МГОУ.

13. Таяев, А. П. (1930а). Проблема промышленных кадров для Большого Урала. *Уральский коммунист*, (3–4), 20–33.

14. Таяев, А. П. (1930б). О современном лице промышленных кадров Урала. *Уральский коммунист*, (11–12), 24–31.

15. Твердюкова, Е. Д. (2010). Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*, (1), 412–430.

16. Фельдман, М. А. (2017). «Генеральный план развития Уральской области: на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью. В Л. Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 322–332). Екатеринбург: УРФУ.

17. Фельдман, М. А. (2019). Журнал «Уральский коммунист» в 1926–1929 гг.: место в политической жизни региона. *Документ. Архив. История. Современность*, (19), 265–279.

18. Фельдман, М. А. (2021а) Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации. *Дискурс-Пи*, 18(4), 29–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

19. Фельдман, М. А. (2021б). Уральская область в декабре 1923 – январе 1934 гг.: жизнь и судьба – пространственный аспект. *Вопросы управления*, (6), 82–92. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-6-82-92>

20. Хлевнюк, О. В. (1996). Л. П. Берия: пределы исторической «реабилитации». В Г. А. Бордюгов (Ред.), *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет* (с. 139–154). М.: АИРО-XX.

21. Чистиков, А. Н. (2007). *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов*. СПб.: Европейский Дом.

22. Шабалин, В. В. (2003). «Закулисная политика». (К истории

внутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг.). В *Пермская элита: история, развитие, современное состояние: Материалы интернет-конференции (январь – февраль 2003 г.)*. Взято 1 июля 2022, с http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259

23. Davies, R. W., Khlevnyuk, O. V., & Wheatcroft, S. G. (2014). *The industrialization of Soviet Russia. Vol. 6: The years of progress: Soviet Economy, 1934–1936*. New York: Palgrave Macmillan.

References

1. Abramovsky, A. P., & Budanov A. V., (2008). *Gornye okruga Yuzhnogo Urala v 1917–1918 gg.* [Mountain districts of the Southern Urals in 1917–1918]. Chelyabinsk: ChI URAGS.

2. Chistikov, A. N. (2007). *Partijno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoj Rossii 1920-x godov* [The party-state bureaucracy of the North West of Soviet Russia in the 1920s.]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom.

3. Davies, R. W., Khlevnyuk, O. V., & Wheatcroft, S. G. (2014). *The industrialization of Soviet Russia. Vol. 6: The years of progress: Soviet Economy, 1934–1936*. New York: Palgrave Macmillan.

4. Duka, A. V. (2012). O podhodah k analizu vlastnyh e'lit [On the approaches to power elite analysis]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (3), 48–55.

5. Feldman, M. A. (2017). “General'nyj plan razvitiya Ural'skoj oblasti: na 1926–1941 gg.”: mezhdru mifom i real'nost'yu [“General plan of development of Ural region for 1926–1941”: Between the myth and reality]. In L. N. Mazur (Ed.), *E'poxa socialisticheskoj rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyx preobrazovanij* (pp. 322–332). Ekaterinburg: URFU.

6. Feldman, M. A. (2019). Zhurnal “Ural'skij kommunist” v 1926–1929 gg.: mesto v politicheskoj zhizni regiona [Magazine “Ural Communist” in 1926–1929 and its role in regional political life]. *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'*, (19), 265–279.

7. Feldman, M. A. (2021a). Sovetskaya e'lita 1930-h gg.: problema identifikacii [The Soviet elite of the 1930s: The problem of identification]. *Diskurs-Pi*, 18(4), 29–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

8. Feldman, M. A. (2021b). Ural'skaya oblast' v dekabre 1923 – yanvare 1934 gg.: zhizn' i sud'ba – prostranstvennyj aspekt [Ural region in December 1923 – January 1934: Life and fate – spatial aspect]. *Voprosy upravleniya*, (6), 82–92. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-6-82-92>

9. Khlevniuk, O. V. (1996). L. P. Beriya: predely istoricheskoj “reabilitacii” [L. P. Beria: The limits of historical “rehabilitation”]. In G. A. Bordyugov (Ed.), *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendencii poslednix let* (pp. 139–154). Moscow: AIRO-XX.

10. Koldushko, A. A. (2009). Problema e'ffektivnosti raboty regional'noj nomenklatury v pervoj polovine 1930-h godov (na primere Sverdlovskoj oblasti) [The problem of the effectiveness of the regional nomenclature in the first half of the 1930s (on the example of the Sverdlovsk region)]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*, (1),

159–168.

11. Koldushko, A. A. (2010). *Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей)* [Education as an element of the social portrait of the party nomenclature in the 1920s–1930s (on the example of the Sverdlovsk and Perm regions)]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*, (3), 105–111.

12. Krasin, Yu. A. (2017). *Velichie i tragizm sovetskogo eksperimenta* [Majesty and tragedy of the Soviet “experiment”]. *Politicheskie issledovaniya*, (1), 10–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.03>

13. Melnikov, K. V. (2021). *Klientelizm i neformal'nye seti regional'nykh e'lit v Rossii: opyt setevogo analiza na primere Sverdlovskoy oblasti* [Clientelism and informal networks of regional elites in Russia: Network analysis of the case of Sverdlovsk oblast]. *Politicheskie issledovaniya*, (6), 171–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>

14. Mukhametov, R. S. (2015). *Rol' partii “Edinaya Rossiya” v konsolidatsii e'lit na municipal'nom urovne* [The role of the party “United Russia” in the consolidation of elites at the municipal level]. *Ars Administrandi*, (1), 85–94.

15. Mukhametov, R. S. (2018). *Regional'naya pravyyashchaya e'lita: dinamika i specifika (na primere Sverdlovskoy oblasti)* [Regional ruling elite: dynamics and specifics (on the example of Sverdlovsk region)]. *Voprosy upravleniya*, (6), 13–19.

16. Naronskaya, A. G. (2019). *Konceptual'nye podhody k izucheniyu politicheskikh e'lit (mirovoy i otechestvennyj opyt)* [The conceptual approaches in research on political elites (international and national experience)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 14(1), 86–91.

17. Osokina, E. A. (1993). *Ierarhiya potrebleniya. O zhizni lyudej v usloviyah stalinskogo snabzheniya. 1928–1935 gg.* [Hierarchy of consumption. About the life of people in the conditions of Stalin's supply. 1928–1935]. Moscow: MGOU.

18. Shabalin, V. V. (2003). *“Zakulisnaya politika”*. (K istorii vnutripartijnykh konfliktov na Urale v 1920-h gg.) [“Behind-the-scenes politics”. (On the history of intra-party conflicts in the Urals in the 1920s)]. In *Permskaya e'lita: istoriya, razvitie, sovremennoe sostoyanie: Materialy internet-konferencii (yanvar' – fevral' 2003 g.)*. Retrieved July 1, 2022, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259

19. Tanyaev, A. P. (1930a). *Problema promyshlennykh kadrov dlya Bol'shogo Urala* [The problem of industrial personnel for Greater Urals]. *Ural'skij communist*, (3–4), 20–33.

20. Tanyaev, A. P. (1930b). *O sovremennom lice promyshlennykh kadrov Urala* [About the modern face of the industrial personnel of the Urals]. *Ural'skij communist*, (11–12), 24–31.

21. Tverdyukova, E. D. (2010). *Prostranstvennoe razmeshchenie promyshlennosti i naseleniya v SSSR v 1930-e gg.* [Spatial placement of industry and population in the USSR in 1930s]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, (1), 412–430.

22. Vorobyev, S. V. (2019a). *I. D. Kabakov protiv N. M. Shvernika: bor'ba dvux “varyagov”*. *Konflikt v Ural'skoj oblasti v 1928–1929 gg.* [I. D. Kabakov against N. M. Shvernik: Struggle of two “varangians”. The conflict in the Ural region in 1928–

1929]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (4), 112–122. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.8>

23. Vorobyev, S. V. (2019b). Sluchaj N. M. Shvernika: konflikt v rukovodstve Ural'skoj oblasti v 1927–1928 gg. [N. M. Shvernik's case: The conflict in the leadership of the Ural region in 1927–1928]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki*, (3), 36–46. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.35.3.05>

Информация об авторе

Михаил Аркадьевич Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru

Information about the author

Mikhail Arkadyevich Feldman, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management, Branch of RANEPa, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru